

Утренняя выходка Лу-гэра не на шутку напугала Е Цзюньшу. Он боялся, что стоит ему отвернуться, как мальчик снова впадет в отчаяние и натворит бед, поэтому теперь старался постоянно держать его на виду.

В этот момент Е Цзюньшу уже окончательно понял: «кошмар», о котором говорил Лу-гэр, на самом деле был событиями его прошлой жизни. Если бы в Цзычжоу не пробудились воспоминания из современного мира, если бы Лу-гэр тогда во время тяжелой болезни не пришел в себя, то вероятность того, что близнецов в итоге отдали бы чужим людям, была бы почти стопроцентной. И тогда события развивались бы в точности по сценарию Лу-гэра...

Е Цзюньшу осознал одну вещь: в тот день, когда его собственные две памяти слились воедино, Лу-гэр переродился! Он вернулся в свое тело в день пика своей болезни, неся в себе груз прошлой жизни. Это объясняло все странности в поведении Лу-гэра, на которые Е Цзюньшу раньше обращал внимание, но не решался исследовать глубоко.

Такое невероятное чудо... Если не пережить это самому, никто не поверит. Е Цзюньшу не мог просто так спросить Лу-гэра: «А не помнишь ли ты свою прошлую жизнь?» Тем более, откуда он сам мог знать о таких мистических вещах? Не скажет же он, что у него самого память о двух жизнях? Разумеется, нет.

Лишняя память — его единственный козырь, Е Цзюньшу сохранит эту тайну до могилы. К тому же его случай отличался от случая Лу-гэра. Вдруг брат решит, что он не родной старший брат, а какой-нибудь злой дух, занявший чужое тело? Благодаря слиянию двух памяти Е Цзюньшу уже давно считал этих детей своими и в прошлой, и в нынешней жизни.

Он размышлял, почему им выпала такая судьба. Вероятно, в той жизни Е Цзюньшу умер слишком мучительной смертью, с огромной обидой в сердце, и по какой-то причине они оба получили шанс всё исправить. Тот Е Цзюньшу из прошлого, должно быть, не смог сомкнуть глаз после смерти. Как старший сын, он не выполнил завет родителей, беспомощно глядя, как трагически погибает Сяо Шань, даже не имея возможности добиться справедливости, а Лу-гэр...

Было еще кое-что, что беспокоило Е Цзюньшу: Лу-гэр ни словом не обмолвился о том, что стало с ним самим. Ни единого звука. Но Цзычжоу понимал: неся в себе вину за гибель братьев, Лу-гэр, должно быть, жил в аду, и конец его был печален... От этих мыслей сердце сжималось. Умершим уже всё равно, больнее всего тем, кто остался жить. Сколько же страданий выпало на долю Лу-гэра?

Они переродились в одно и то же время, но произошел какой-то сбой: у одного проснулась память из другого мира, а у другого — воспоминания о будущем. Теперь стало ясно, почему самое сильное желание, оставленное ему прежним владельцем тела, — это не сдать экзамены и стать важным чиновником, а защитить братьев и дать им спокойно вырасти. Раньше он думал, что это простое желание. Но реальность оказалась суровой.

Он был ослеплен обманчивым спокойствием этого маленького уезда. Он забыл, что это феодальный строй с жестким разделением на сословия. Ученые, крестьяне, ремесленники, торговцы — пропасть между ними огромна. Жизнь простого человека не стоит и гроша, а жизнь слуги и вовсе не считается человеческой. Одного обвинения в «оскорблении знатного лица» достаточно, чтобы забить человека до смерти, и народ будет молчать от ужаса. Испокон веков простолюдин не воюет с чиновником, а бедняк не спорит с богачом. Е Цзюньшу предельно четко осознал: он находится на самом дне общества. Без власти и связей, как ему

уберечь братьев?

Е Цзюньшу посмотрел на Лу-гэра. Их покойные отец и аму были весьма хороши собой, и все братья унаследовали их красоту. Сам он чертами лица пошел в отца, но контуры лица смягчились чертами аму — получился благородный, изящный типаж. Сяо Шань — вылитый отец: крепкий, с грубоватыми чертами, честный и простодушный. Цинь-гэр на их фоне выглядел обычнее, в нем едва угадывались черты аму. Возможно, из-за того, что в период обучения речи ему уделяли мало внимания, он казался немного медлительным и простоватым. Близнецы еще малы, пока трудно сказать определенно — они просто белые и пухлые комочки, но задатки у них отличные: если не случится беды, вырастут красавцами.

А Лу-гэр... он был самым красивым из братьев. Он не просто впитал лучшее от родителей, он превзошел их, отшлифовав все достоинства. Черты его лица были настолько изящными, что в нем чувствовалась какая-то особенная порода. Фарфоровая кожа, легкая детская припухлость щек — он был таким очаровательным, что его хотелось немедленно забрать домой и баловать. Когда он вырастет, его красота затмит любого столичного щеголя.

Е Цзюньшу не бывал в дальних краях и не знал, каковы гэри в других местах, но он был уверен: во всем уезде нет никого прекраснее его Лу-гэра. И если Лу-гэр попал в поле зрения негодяя, у него нет сил его защитить. Как и сейчас...

— Брат, отдай меня им, — Лу-гэр видел терзания брата.

Он много думал и принял решение, которое казалось ему единственно верным. Чем видеть, как братья снова страдают или умирают, он лучше один примет удар на себя.

Е Цзюньшу уже рассказал Лу-гэру о вчерашнем разговоре со слугами. Найти выход за такой короткий срок было почти невыполнимой задачей. Лу-гэр видел мрачное лицо брата и понимал: способа спастись нет. Он был готов пожертвовать собой ради безопасности семьи.

Е Цзюньшу слегка ущипнул его за нежную щеку:

— Что за глупости ты говоришь? Неужели твой брат — такой человек? — Продать родного брата, чтобы спасти собственную шкуру? Как бы он после этого посмел в глаза людям смотреть?

Но как же на самом деле преодолеть этот кризис? В голове Е Цзюньшу промелькнула какая-то мысль, но он не успел ее ухватить.

Дети резвились в доме и во дворе, но Цзюньшу теперь строго-настрого запретил им выходить за ворота. Малыши У-ва и Лю-ва, чувствуя присутствие старшего брата рядом, и сами не рвались наружу — они то и дело подбегали к нему, чтобы прижаться и получить свою порцию ласки. Глядя на эти невинные и радостные лица, Цзюньшу почувствовал, как тяжесть на сердце немного отступает. Именно эти улыбки он поклялся защищать. Он боялся даже представить: если эти дети закончат так же, как в прошлой жизни, не сойдет ли он с ума от горя? В самом крайнем случае останется только один путь — бегство.

Е Цзюньшу посмотрел на притихшего Лу-гэра. Даже в профиль мальчик был невероятно мил — какое счастье, что он не успел себя изуродовать. Эту «белоснежную капустку», которую он с

таким трудом растил, ни в коем случае нельзя отдавать на растерзание скоту... Стоп! Внезапное озарение вспыхнуло в мозгу. Е Цзюньшу резко вскочил, сердце бешено заколотилось. Как же он раньше не додумался?!

Раз беду навлекла красота Лу-гэра, значит, нужно «лишить» его этой красоты! Но не так, как пытался Лу-гэр утром — грубо и с помощью ножа, что оставило бы шрамы. Е Цзюньшу вспомнил, как пару лет назад, когда он ходил с дядей Ли в самую чащу леса, он случайно задел одно очень странное растение. Участки кожи, соприкоснувшиеся с ним, тут же покрылись красными пятнами и волдырями, очень похожими на симптомы тяжелой крапивницы. Дядя Ли называл эту траву «сыпницей». Она встречалась крайне редко, росла только в глубоких оврагах густых лесов, где никогда не бывает солнечного света. О ней могли слышать разве что очень опытные лекари, а простые люди и вовсе не знали о ее существовании.

Сыпь от этой травы не болела и не чесалась, но выглядела по-настоящему жутко. Тогда он долго прятал руки под одеждой и бинтами, чтобы не напугать детей. К счастью, через полмесяца всё бесследно прошло, не оставив ни единого пятнышка. Е Цзюньшу был вне себя от радости. Он хлопнул себя по лбу: «Ну как же я сразу не вспомнил!»

Теперь, когда план созрел, он начал лихорадочно соображать: как заставить тех людей поверить, что у Лу-гэра действительно началась острая форма крапивницы, а не просто хитрая уловка, чтобы избежать службы? Сильные мира сего подозрительны. Просто сказать им об этом нельзя — это вызовет лишь гнев. Мысли в голове Е Цзюньшу вращались с бешеной скоростью, он прокручивал один сценарий за другим, отбрасывая их и выстраивая заново. Даже если это приведет господ в ярость, это всё равно лучше, чем сидеть сложа руки. Е Цзюньшу решил рискнуть. Если шансы на успех больше пятидесяти процентов — он пойдет на это!

— Лу-гэр, брат придумал выход! Мне нужно срочно в лес. Вы оставайтесь дома и никуда не выходите, поняли?

Говоря это, он быстро вернулся в комнату за снаряжением.

Лу-гэр встал и пошел за ним тенью, в его глазах всё еще читалась тревога:

— Брат...

Е Цзюньшу заткнул тесак за пояс, подошел к двери и ласково погладил Лу-гэра по голове:

— Умница, не бойся. Брат скоро вернется.

Он приоткрыл дверь, осмотрелся — подозрительных лиц не было. Тогда он мягко сказал Лу-гэру:

— Я позову Мин-аму, чтобы он посидел с вами. Когда я уйду, открывай дверь, только если услышишь его голос, хорошо?

Лу-гэр неохотно кивнул. Когда брата не было рядом, на него снова накатывал страх, но он понимал: уход Цзычжоу как-то связан с их спасением.

Е Цзюньшу дождался, пока Лу-гэр закроет дверь на засов, и только тогда быстро направился к дому Мин-аму...

Уездный город. Усадьба «Изящный сад».

Это было временное пристанище Второго господина Мина — самая ценная летняя резиденция господина судьи. Хотя и небольшая, зато с обилием тенистых деревьев, цветов, альпийских горок и извилистых мостиков над ручьями. Здесь было прохладно.

Мин Пэнкунь возлежал в беседке на роскошной кушетке. Красавцы-гэри окружили его со всех сторон: один, нежно перебирая тонкими пальцами, очищал виноград от кожицы и подносил сочные ягоды к его губам. Мин Пэнкунь, принимая угощение, игриво прихватывал губами кончики пальцев, вызывая кокетливое смущение гэра. Двое других обмахивали его веерами, а еще один — весьма недурной собой — разминал ему ноги.

Мин Пэнкунь пребывал в прекрасном расположении духа и то и дело громко хохотал, притягивая к себе одного из красавцев для мимолетного поцелуя. Судья Фэнчэна Ван Чжигао оказался на редкость услужливым: всего за пару дней он прислал несколько очаровательных юнош, которые пришлись Мину по вкусу. К тому же Мин Пэнкунь слышал, что перестройка его новой резиденции под надзором Мин Одиннадцатого идет полным ходом. Скоро условия жизни станут достойными его имени.

В разгар веселья появились Мин Фулай и господин судья.

— Приветствуем Второго господина.

Мин Пэнкунь, продолжая заигрывать с гэрами, небрежно бросил:

— Ну, как успехи?

Он всё еще помнил того деревенского мальчишку, который так приглянулся ему на дороге. По крайней мере, общество нынешних красавцев не заставило его забыть о «самородке». Правда, гэр был совсем мал — только смотреть, да не трогать, — поэтому вопрос прозвучал лениво.

— Ваши дела в надежных руках, господин! — подобострастно отозвался Мин Фулай. — Та семья, едва услышав, что им выпала честь служить такому великому человеку, как вы, пришла в неопишуемый восторг. Они с радостью готовы отдать мальчика. Единственное — он еще совсем ребенок, и они умоляли о нескольких днях отсрочки, чтобы попрощаться. Я рассудил, что вы всегда отличались великодушием, и взял на себя смелость согласиться.

Всё равно мальчика пока можно только держать при себе «на вырост», так что пара дней погоды не делала. Мин Пэнкунь одобрительно кивнул — Фулай умел вести дела.

Затем он повернулся к Ван Чжигао:

— Не думал я, что в этой дыре земля так богата на таланты, способные взрастить столь изысканных гэров.

Ван Чжигао тут же засуетился:

— Второй господин, ваш покорный слуга занимает пост судьи здесь уже более двадцати лет и знает каждый закоулок в десяти селах и восьми деревнях. Если вам приглянулся кто-то еще — только скажите, я сделаю всё возможное!

Мин Фулай выпрямился и холодно бросил судье:

— С тем делом я почти закончил, так что не стоит утруждать господина судью.

— Почти — еще не значит закончено, — не унимался Ван Чжигао. — У господина управляющего и так забот полон рот, вы ведь лучше всех понимаете нужды Второго господина. Усадьба Хо... — судья картинно хлопнул себя по губам. — Глупый я! Поместье Мин сейчас перестраивается, управляющему нужно за всем следить, чтобы рабочие, упаси небо, не сделали что-то не так в его отсутствие.

Он сделал паузу и добавил вкрадчиво: — К тому же, вдруг эти деревенщины наберутся дерзости и посмеют обмануть Второго господина или вас? Это же вмиг испортит господину настроение! Если управляющему недосуг отвлекаться на такие мелочи, у меня в подчинении есть толковые люди, которые с радостью избавят вас от хлопот. — Ван Чжигао низко поклонился Мин Пэнкуню.

Мин Фулай замолчал, переведя взгляд на Мин Пэнкуня.

Тот прищурился, глядя на Ван Чжигао, а затем небрежно бросил:

— Мин Тринадцать.

Из тени беседки, словно из ниоткуда, возник стражник — почти неощутимый до этого момента. Он опустился на колено перед Мин Пэнкунем, низко склонив голову:

— Слуга приветствует Второго господина.

— Пригляди за ними.

— Слушаюсь.

Мин Пэнкунь посмотрел на Ван Чжигао взглядом, значение которого было трудно разгадать. Судья мгновенно сообразил:

— У вашего покорного слуги есть человек по кличке Ван-Пёс, он мастер по части скрытого наблюдения и сбора слухов. Если господин стражник не побрезгует, пусть этот малый будет у него на побегушках.

— Отлично! — Мин Пэнкунь хлопнул в ладоши и отодвинул от себя красавца-гэра. Настроение его заметно улучшилось. — Буду ждать, когда вы приведете мне этого маленького красавца.

Ван Чжигао тоже заулыбался, его глаза-щелочки превратились в две тонкие линии:

— Осмелюсь спросить, откуда родом этот юный гэр?

Мин Фулай тут же ответил: — Из деревни Ецзяцунь, семья сирот. Зовут Лу-гэр, живут на самом краю, в юго-восточной части селения.

«Ецзяцунь?» Ван Чжигао сразу понял, о ком речь. Он неплохо знал эту деревню — местный староста умел вести дела и при каждом визите в уезд не забывал подносить ему «подарки».

— Да, господин. Я сделаю всё, чтобы помочь господину Тринадцатому.

<http://bllate.org/book/15226/1355881>